 © Авторы статьи / Authors of the article

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.77.7 EDN: WIZXYE

ПОТЕНЦИАЛ КОНТРАСТИВНОГО МЕТОДА В ЛИНГВИСТИКЕ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕОЧЕВИДНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ

Научная статья

Амеличева В.М.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0000-6685-0102;
[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (varvara.amelicheva[at]gmail.com)

Предложена: 15.03.2026; Принята: 29.04.2026; Опубликована: 08.05.2026

Аннотация

Контрастивный, или сопоставительный, метод, основанный на синхроническом изучении языковых фактов в двух разных языках с опорой на языковые категории, присущие одному из них или обоим, активно развивался в отечественном языкознании в 1970–1980-х гг. Однако сегодня зачастую его ценность преуменьшается или сводится к ее методическому аспекту (применение в процессе преподавания иностранных языков в целях профилактики у обучающихся лексической или грамматической интерференции с родным языком). В настоящей статье на материале недавних публикаций отечественных лингвистов будет показано, что контрастивный метод обладает потенциалом для обнаружения неочевидных и даже имплицитных языковых фактов: отсутствие тех или иных категорий в языке перевода требует их эксплицитного выражения, что позволяет сделать определенные выводы о родном языке исследователя. В частности, применение контрастивного метода перспективно в исследованиях по синтаксической семантике, по проблемам референции, при изучении лингвоспецифической лексики. Объективность полученных результатов при этом обеспечивается за счет использования больших массивов корпусных данных, содержащихся в параллельных и мультиязычных корпусах (в качестве примера можно привести параллельные подкорпуса Национального корпуса русского языка), а также надкорпусных базах данных, создаваемых на их основе.

Ключевые слова: лингвистика, контрастивный метод, корпусные данные, родной язык, имплицитность.

THE POTENTIAL OF THE CONTRASTIVE METHOD IN LINGUISTICS FOR ESTABLISHING NON-OBVIOUS LINGUISTIC FACTS

Research article

Amelicheva V.M.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0000-6685-0102;
[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (varvara.amelicheva[at]gmail.com)

Suggested: 15.03.2026; Accepted: 29.04.2026; Published: 08.05.2026

Abstract

The contrastive, or comparative, method-based on the synchronic study of linguistic phenomena in two different languages based on linguistic categories inherent in one or both of them—was actively developed in Russian linguistics during the 1970s and 1980s. However, today its value is often underestimated or reduced to its methodological aspect (its application in the process of teaching foreign languages to prevent lexical or grammatical interference with the student's native language). In this article, using material from recent publications by Russian linguists, it will be shown that the contrastive method has the potential to reveal non-obvious and even implicit linguistic facts: the absence of certain categories in the target language requires their explicit expression, which allows certain conclusions to be drawn about the researcher’s native language. In particular, the application of the contrastive method holds promise in research on syntactic semantics, on issues of reference, and in the study of language-specific lexis. The objectivity of the obtained results is ensured by the use of large corpora of data contained in parallel and multilingual corpora (an example being the parallel subcorpora of the Russian National Corpus), as well as supra-corpus databases created on their basis.

Keywords: linguistics, contrastive approach, corpus data, native language, implicitness.

Введение

Контрастивный, или сопоставительный, метод в отечественном языкознании применяется с 1930-1940-х гг.; пик его расцвета пришелся на 1970–1980-е гг. и связан с работами В.Г. Гака, В.Н. Ярцевой, А.А. Реформатского, И.А. Стернина и многих других. Наивысшей попыткой его концептуализации можно считать XXV выпуск серии «Новое в зарубежной лингвистике» под редакцией В.Г. Гака. При этом обращает на себя внимание тот факт, что ценность контрастивного метода ассоциировалась в первую очередь с его несомненно важной ролью в преподавании и изучении иностранных языков, что нашло отражение и в структуре упомянутого сборника, включающего раздел «Контрастивная лингвистика и обучение языку» [1, С. 350]. Действительно, еще Л.В. Щерба писал: «Уроки перевода с

 © Авторы статьи / Authors of the article

иностранного языка и без окончательного литературного оформления перевода, по существу вещей, заставляют учащегося вникать в самые тонкие оттенки значений родного языка. Я бы сказал, вовсе не считая это парадоксом, что вполне овладеть родным языком (я, конечно, тут имею в виду литературный язык), т.е. оценить все его богатство, все его выразительные средства, понять все его возможности, можно только изучая какой-либо иностранный язык» [2, С. 44].

Роль иноязычных описаний в формировании понимания фактов родного языка отмечали не только отечественные методисты. Так, А. Бесс и Р. Поркье, авторы франкоязычной монографии «Grammaire et didactique des langues», дают в высшей степени уважительную характеристику советскому учебнику грамматики французского языка авторства Н.М. Штейнберг: «Это не вводный, а дескриптивный курс французского языка, написанный по-французски советским преподавателем для русскоязычных студентов. Автор опирается на традиционную французскую металингвистическую модель, хотя и отмечает, что ему “пришлось использовать термины, не входящие во французский обиход и грамматическую традицию”. Но именно те места, где автор от нее отклоняется, представляют, на наш взгляд, наибольший интерес. В частности, представление артикля заметно отличается от принятого во французских учебниках, поскольку учитывает особенности его металингвистической перцепции, которая может быть присуща русскоязычной аудитории. [...] Мы видим, насколько это описание сложнее, детальнее, точнее, чем те, которые можно найти в большинстве французских учебников» (перевод наш — В.А.) [3, С. 111-112]. Нельзя не согласиться с авторами в том, что во французской учебной литературе категория артикля действительно зачастую описана очень поверхностно, модели его употребления объясняются сложившимся узусом, а не семантическими закономерностями. Франкоязычные респонденты, по нашим наблюдениям, как правило, затрудняются не только объяснить, почему они употребили в речи тот или иной артикль, но и сказать, какой именно артикль они только что употребили. Надо заметить, что с аналогичными трудностями сталкиваются и носители русского языка, не являющиеся профессиональными лингвистами или преподавателями русского как иностранного, когда иностранец просит их объяснить, почему они употребили именно эту видовую форму или глагол движения (например, пояснить выбор между *я ехал / я поехал / я ездил*).

Итак, само по себе владение родным языком не всегда оказывается достаточным, чтобы заметить и идентифицировать существующие в нем феномены; другой язык оказывается своего рода эталоном, «зеркалом», на фоне которого эти явления можно заметить и описать.

Теоретические основы контрастивной лингвистики: объект, принципы, уровни, направления, методы исследования

Если лингводидактическая ценность контрастивного метода для преподавания иностранных языков не вызывает сомнения, его потенциал для использования в теоретических исследованиях менее очевиден и остается предметом дискуссий. В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на проблеме соотношения контрастивной лингвистики с другими лингвистическими дисциплинами, в первую очередь сравнительно-историческим языкознанием и языковой типологией, а также на до сих пор не устоявшейся терминологической традиции, в результате чего возникает смешение терминов «контрастивная», «конфронтативная», «сравнительная» и «сопоставительная» лингвистика (см. об этом обзор З.Г. Гергиевой [4, С. 203-206]).

Объект контрастивной лингвистики исследователи также понимают по-разному. Так, В.Н. Ярцева считает, что сопоставление языков должно базироваться на их генетическом, функциональном или структурном сходстве: «сравнение языков плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры. Мало пользы от сравнительного изучения в том случае, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы ни в чем не имеют сходства» [5, С. 9]. В.Г. Гак и Е.Б. Ройзенблит, напротив, полагают, что «при сопоставительном изучении языков первостепенный интерес представляет исследование расхождений структурного и коммуникативного плана» [6, С. 7].

И.А. Стернин формулирует принципы контрастивной лингвистики следующим образом:

«1) изучаются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка — родной и изучаемый;

2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопоставляемых языках;

3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке;

4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление сходств и различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке» [7, С. 16].

Итак, согласно И.А. Стернину, в фокусе внимания контрастивной лингвистики находится прежде всего установление и описание различий между родным и изучаемым языком. При этом он полемизирует с А.А. Реформатским, который подчеркивал, что «должно проводиться сопоставительное изучение не фактов, а категорий своего и чужого языков» [8, С. 25].

В монографии В.Г. Гака «Сравнительная типология французского и русского языков» представлено, пожалуй, наиболее широкое понимание сферы действия контрастивной лингвистики: по мысли автора, контрастивные исследования могут проводиться как на уровне системы языка (исследуется набор категорий, присутствующих в сопоставляемых языках, их членение, объем значений и употреблений), так и на уровне нормы (на этом уровне расхождения особенно многочисленны в области сочетаемости языковых элементов) и языкового узуса, т.е. предпочтительных для носителей языка способов выражения [9, С. 19-22]. Кроме того, сопоставление может относиться к одному из трех планов: плану содержания, плану выражения и плану функционирования, т.к. набор

 © Авторы статьи / Authors of the article

категорий в двух языках может не совпадать, но даже если та или иная категория присутствует в обоих языках, она может выражаться разными способами или по-разному функционировать в речи [9, С. 80-82].

Что касается направления контрастивного исследования, здесь возможны три варианта:

– сопоставление направлено ***на оба языка***, результатом анализа является констатация сходств или различий между ними, которая сама по себе, как представляется, не имеет большой теоретической значимости;

– сопоставление направлено ***от родного языка к иностранному***, результатом является констатация особенностей языковой системы иностранного языка на фоне родного. При очевидной лингводидактической ценности такого исследования вряд ли можно надеяться на теоретический результат, обладающий абсолютной самостоятельной значимостью;

– сопоставление направлено ***от иностранного языка к родному языку*** лингвиста, при этом в задачи исследования не входит описание явлений иностранного языка: он является лишь вспомогательным средством, позволяющим выявить особенности языковой системы родного языка. И именно это направление работы может, по нашему мнению, дать наиболее интересные результаты, т.к. на фоне языка сопоставления лингвист-исследователь может обнаружить и описать неочевидные языковые факты в своем родном языке.

Нельзя не заметить, что перечисленные выше работы преимущественно относятся к последней трети XX века. Начало XXI века отмечено снижением интереса к контрастивной лингвистике; однако в последнее десятилетие она переживает своего рода возрождение [10, С. 19]. В частности, в этом русле активно работает международная исследовательская группа GeLiTeC / СоЛиТекст («Сопоставительная лингвистика текста»; подробнее о группе см. в статье И.М. Кобозевой [11, С. 10-14]). На наш взгляд, такое возрождение объясняется в первую очередь новыми возможностями, которые открывает лингвисту-исследователю появление многоязычных корпусов. Отметим, в частности, параллельные подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), позволяющие проводить контрастивный анализ на материале 31 языка в сопоставлении с русским, причем разметка включает не только морфологические параметры, но и принадлежность слова к определенным лексико-семантическим классам, мереологические, топологические и оценочные компоненты значения, особенности словообразования, некоторые элементы ближайшего контекста (наличие повтора, знаки препинания). Ниже мы рассмотрим несколько примеров применения контрастивного метода в исследованиях по лексической и синтаксической семантике.

Потенциал контрастивной лингвистики в эру корпусных данных: обсуждение результатов исследования

Возможности корпусных инструментов для контрастивного анализа лингвоспецифичных лексем русского языка (*бабушка, беда, тоска* и т.п.) наглядно показаны в статье А.А. Зализняк «База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа». Автор описывает процесс «надстройки» над параллельным корпусом текстов т.н. НБД — надкорпусной базы данных, позволяющей не только исправлять ошибки выравнивания, но и присваивать каждому рассматриваемому фрагменту текста на исследуемом языке (будь то лексема, словосочетание, предложение или более крупный фрагмент) функционально эквивалентный фрагмент (ФЭФ) на языке сопоставления. Этот фрагмент необязательно представляет собой точный перевод исходного фрагмента, а зачастую довольно сильно расходится с ним, но в масштабах корпуса регулярно повторяющиеся дивергенции становятся значимыми и позволяют сформулировать важные выводы относительно исследуемых языковых единиц. Более того, как отмечает автор, для лексикологического анализа лингвоспецифичных слов русского языка «часто перевод *на* русский язык оказывается даже более информативным, чем перевод *с* русского языка — поскольку в этом случае лингвоспецифичное слово возникает в переводе как непосредственная реакция на смысловое задание, диктуемое иноязычным текстом» [12].

Объектом исследования В.М. Амеличевой «Грамматикализация лексических единиц *лучше* и *скорее* на материале русско-французской надкорпусной базы данных» стали две русские полифункциональные лексемы: *лучше* и *скорее*. Как показано в статье, обзор русских лексикографических источников не позволяет создать системное представление об их семантической структуре, как в силу многочисленных противоречий между работами разных лексикографов, так и ввиду разрозненности описания их значений. Опираясь на данные НБД, созданной коллективом Института проблем информатики РАН в качестве надстройки к электронным подкорпусам параллельных текстов НКРЯ, по итогам анализа французских переводных соответствий, мы смогли систематизировать все разнообразие употреблений обеих единиц, обнаруженных в корпусе, по оси двухэтапной грамматикализации. Опишем полученные результаты для лексической единицы *лучше* [13, С. 286].

1. На «нулевом» этапе грамматикализации *лучше* представляет собой сравнительную степень прилагательного *хороший* или наречия *хорошо*; компаратив свободно сочетается с наречиями-интенсификаторами (*еще, намного, гораздо*) и с отрицанием, но не допускает сочетания с частицами да, уж, образует превосходную степень (*лучше всего / всех*), может выполнять разнообразные синтаксические функции. Преобладающие французские ФЭФ для этого этапа – сравнительная и превосходная степень соответствующего прилагательного и наречия (*bon / meilleur / le meilleur, bien / mieux / le mieux*).

Ср. примеры из параллельного русско-французского подкорпуса НКРЯ: Разве мир стал хуже, а я ***лучше***, или раньше я был слеп и равнодушен? / Le monde est-il devenu pire et moi ***meilleur***, ou bien étais-je aveugle et indifférent? (А.П. Чехов. Скучная история (1889), tr. Edouard Parayre (1960)).

Этот свет был особый, он горел не для людей в камере, а для того, чтобы их ***лучше*** было видно. / C'était une lumière particulière. Elle ne brillait pas pour les habitants de la cellule, mais pour permettre de ***mieux*** les voir. (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960), tr. Alexis Berelowitch (1980)).

2. На первом этапе грамматикализации предикатив операционального предпочтения *лучше* имеет некоторые отличия от компаратива по позиции и сочетаемости: тяготеет к препозиции, может сочетаться с субъектом в д.п., с частицами *да, уж* и с интенсификаторами, но не допускает полноценного отрицания, за исключением риторических вопросов. Преобладающие ФЭФ – глаголы (*valoir mieux, préférer, aimer mieux*).

 © Авторы статьи / Authors of the article

Ср.: Тогда *уж* ***лучше*** Рафаэль с его, что называется, любовью… / Je ***préfère*** encore Rafael avec ce qu'il appelle son amour... (С.Д. Довлатов. Иностранка (1986), tr. Jaques Michaut-Paternò (2001)).

Наконец пришло ему в голову, что *не* ***лучше*** *ли* будет пойти куда-нибудь на Неву? / Enfin, il lui vint à l'esprit qu'il ***ferait*** peut-être ***mieux d***'aller quelque part sur la Neva. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866), tr. E. Guertik (1947)).

3. На втором этапе грамматикализации *лучше* становится непредикативным коннектором с развитой самостоятельной семантической структурой (значения операционального предпочтения, степени вероятности осуществления, в сочетании с элементом *или* — переформулирования / коррекции). Он не может сочетаться ни с отрицанием, ни с интенсификаторами *намного, гораздо* (сочетание с *еще* возможно в значении переформулирования / коррекции), но допускает сочетание с частицами *да, уж*. Преобладающий ФЭФ — французский коннектор *plutôt*.

Ср.: Знаешь, я не к Порфирию иду; надоел он мне. Я ***лучше*** к моему приятелю Пороху пойду. / Tu sais, ce n'est pas chez Porphyre que je vais, j'ai assez de lui. J'irai ***plutôt*** chez mon ami Poudre. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) tr. E. Guertik (1947)).

«Собаку заведу, — решил Обломов, — или кота… ***лучше*** кота: коты ласковы, мурлычут». / «Je vais acheter un chien, décida Oblomov, ou bien un chat... Oui, un chat ***plutôt***. Les chats sont caressants, ils ronronnent». (И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859), tr. Arthur Adamov (1959)).

Наконец, впечатляющий пример использования контрастивного метода для исследования имплицитных логико-семантических отношений в русском тексте предложен в работе А.А. Гончарова и П.В. Ярошенко [14, С. 25-33]. Их статья посвящена одной из актуальных проблем современного языкознания — проблеме нулевого языкового знака, более конкретно — отсутствию показателей логико-семантических отношений причины и противопоставления в русском тексте. Авторы используют изящное и нестандартное решение: для отбора эмпирического материала они обращаются к английскому и французскому параллельным подкорпусам НКРЯ. Наличие эксплицитных показателей указанных отношений (причинных и противительных союзов: *because / parce que, but / mais* и др.) в переводной части подкорпуса позволило сформировать собственный корпус исследования, включающий более 1000 переводных соответствий. По итогам его анализа, абстрагируясь от переводов, авторы выделяют набор параметров разного порядка (синтаксических, морфологических, лексических, пунктуационных), по наличию которых можно предположить присутствие в русскоязычном тексте имплицитных логико-семантических отношений.

Заключение

Итак, приведенный обзор показывает, что контрастивный метод в лингвистике имеет не только лингводидактическую ценность. Он может быть эффективным и при исследовании неочевидных и даже имплицитных языковых фактов родного языка исследователя: язык сопоставления можно уподобить «контрастному веществу» в медицинской диагностике, поскольку он позволяет не только обнаружить такие факты, но и выявить объединяющие их параметры. Объективность наблюдений при этом обеспечивается за счет использования больших массивов корпусных данных. Было продемонстрировано, что контрастивный метод может успешно применяться в лексикологических и синтаксических исследованиях. Дальнейшее развитие параллельных корпусов, таким образом, имеет большие перспективы не только для эмпирической традуктологии, которая традиционно использует их материалы для наблюдений, но и для теоретической лингвистики.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. — Москва : Прогресс, 1989. — 440 с.

2. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / Л.В. Щерба. — Москва; Ленинград : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1947. — 100 с.

3. Besse H. Grammaire et didactique des langues / H. Besse, R. Porquier. — Paris : Hatier-Crédif 1984. — 292 p. [in French]

4. Гергиева З.Г. О статусе контрастивной лингвистики / З.Г. Гергиева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2009. — № 6 (2). — С. 203–206.

5. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. — Москва : Наука, 1981. — 110 с.

6. Гак В.Г. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков / В.Г. Гак, Е.Б. Ройзенблит. — Москва : Высшая школа, 1965. — 378 с.

7. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика / И.А. Стернин. — Москва : Восток-Запад, 2006. — 206 с.

8. Реформатский А.А. О сопоставительном методе / А.А. Реформатский // Русский язык в национальной школе. — 1962. — № 5. — С. 23–33.

9. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. — 3-е изд. — Москва : Просвещение, 1989. — 288 с.

 © Авторы статьи / Authors of the article

10. Инькова О.Ю. О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях / О.Ю. Инькова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2022. — № 6. — С. 17–31.

11. Кобозева И.М. «Сопоставительная лингвистика текста» — объединение романских славистов, славянских романистов и лингвистов-теоретиков / И.М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2022. — № 6. — С. 9–16.

12. Зализняк А.А. База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа / А.А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды международной конференции «Диалог-2016». — Москва, 2016. — URL: https://dialogue-conf.org/media/3442/zalizniakannaa.pdf (дата обращения: 19.01.2026).

13. Амеличева В.М. Грамматикализация лексических единиц *лучше* и *скорее* на материале русско-французской надкорпусной базы данных / В.М. Амеличева // Systèmes linguistiques et textes en contraste. Études de linguistique slavo-romane. — Краков : Wydawnictwo Naukowe UP, 2020. — С. 270–288.

14. Goncharov A.A. How to Describe Implicit Discourse Relations: The Experience of Creating a Dataset in Russian / A.A. Goncharov, P.V. Iaroshenko // Moscow University Philology Bulletin. — 2025. — № 6. — P. 24–35. — DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-2. — EDN PIBJYX.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXV. Kontrastivnaya lingvistika [New in Foreign Linguistics. Issue 25. Contrastive Linguistics] / edited by V.G. Gak. — Moscow : Progress, 1989. — 440 p. [in Russian]

2. Shcherba L.V. Prepodavanie inostrannykh yazykov v srednej shkole. Obshchie voprosy metodiki [Teaching Foreign Languages in Secondary School: General Methodological Issues] / L.V. Shcherba. — Moscow; Leningrad : Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1947. — 100 p. [in Russian]

3. Besse H. Grammaire et didactique des langues [Grammar and Language Teaching] / H. Besse, R. Porquier. — Paris : Hatier-Crédif, 1984. — 292 p. [in French]

4. Gergieva Z.G. O statuse kontrastivnoj lingvistiki [On the Status of Contrastive Linguistics] / Z.G. Gergieva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. — 2009. — № 6 (2). — P. 203–206. [in Russian]

5. Yartseva V.N. Kontrastivnaya grammatika [Contrastive Grammar] / V.N. Yartseva. — Moscow : Nauka, 1981. — 110 p. [in Russian]

6. Gak V.G. Ocherki po sopostavitel'nomu izucheniyu francuzskogo i russkogo yazykov [Essays on the Comparative Study of French and Russian Languages] / V.G. Gak, E.B. Royzenblit. — Moscow : Vysshaya shkola, 1965. — 378 p. [in Russian]

7. Sternin I.A. Kontrastivnaya lingvistika [Contrastive Linguistics] / I.A. Sternin. — Moscow : Vostok-Zapad, 2006. — 206 p. [in Russian]

8. Reformatsky A.A. O sopostavitel'nom metode [On the Contrastive Method] / A.A. Reformatsky // Russkij yazyk v nacional'noj shkole [Russian Language in National School]. — 1962. — № 5. — P. 23–33. [in Russian]

9. Gak V.G. Sravnitel'naya tipologiya francuzskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of the French and Russian Languages] / V.G. Gak. — 3rd edition. — Moscow : Prosveshchenie, 1989. — 288 p. [in Russian]

10. Inkova O.Yu. O sopostavitel'nom metode v lingvisticheskikh issledovaniyakh [On the Contrastive Method in Linguistic Studies] / O.Yu. Inkova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology]. — 2022. — № 6. — P. 17–31. [in Russian]

11. Kobozeva I.M. "Sopostavitel'naya lingvistika teksta" — ob'edinenie romanskikh slavistov, slavyanskikh romanistov i lingvistov-teoretikov ["Contrastive Text Linguistics" — An Association of Romance Slavists, Slavic Romanists and General Linguists] / I.M. Kobozeva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology]. — 2022. — № 6. — P. 9–16. [in Russian]

12. Zalizniak A.A. Baza dannykh mezh"yazykovykh ehkvivalentcij kak instrument lingvisticheskogo analiza [A database of cross-linguistic equivalences as an instrument of linguistic analysis] / A.A. Zalizniak // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational Linguistics and Intellectual Technologies] : proceedings of the International Conference "Dialogue 2016". — Moscow, 2016. — URL: http://www.dialog-21.ru/media/3478/dialogue2016.pdf (accessed: 19.01.2026). [in Russian]

13. Amelicheva V.M. Grammatikalizaciya leksicheskikh edinic *luchshe* i *skoree* na materiale russko-francuzskoj nadkorpusnoj bazy dannykh [Grammaticalization of Lexical Units *luchshe* and *skoree* Based on the Material of the Russian-French Supracorpora Database] / V.M. Amelicheva // Systèmes linguistiques et textes en contraste. Études de linguistique slavo-romane [Language Systems and Texts in Contrast. Studies in Slavo-Romance Linguistics]. — Krakow : Wydawnictwo Naukowe UP, 2020. — P. 270–288. [in Russian]

14. Goncharov A.A. How to Describe Implicit Discourse Relations: The Experience of Creating a Dataset in Russian / A.A. Goncharov, P.V. Iaroshenko // Moscow University Philology Bulletin. — 2025. — № 6. — P. 24–35. — DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-2. — EDN PIBJYX.